

УДЕЛЬНЫЕ ДЬЯКИ И ПОДЬЯЧИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

А.Ю. САВОСИЧЕВ

*Орловский государственный
университет*

e-mail: savositchev@mail.ru

Статья посвящена дьякам и подьячим первой половины XV столетия как элементу систем управления уделами великого княжения Московского. В статье рассмотрена проблема возникновения института удельных дьяков и подьячих, определено их социальное происхождение. Прослежена эволюция функций дьяков в процессе реализации власти удельных князей.

Ключевые слова: дьяки; социальный статус; сословная структура, государственная служба.

Удельная система один из древнейших институтов российской государственности. Несмотря на все успехи централизации, уделы в России доживают практически вплоть до Смутного времени. Долгое время процессы усиления власти великих князей Московских и развития удельной системы шли параллельно. Постепенное превращение правителей Москвы в государей «всея Руси» приводило к ликвидации одних уделов и встраиванию других в структуру Русского централизованного государства. При этом ряд политических процессов протекал в столице и в уделах параллельно. Удельные дворы, удельная система управления были своего рода копией в миниатюре соответствующих общегосударственных институтов. Не составляли исключения и удельные дьяческие канцелярии.

Институт великокняжеских дьяков существовал уже в первой половине XIV в., хотя применительно к этому столетию, по актовому материалу известно только три дьяка. Судить об их социальной природе можно на основании данных великокняжеских духовных. В первой духовной вел. кн. Ивана Ивановича указано: «А хто будетъ моихъ казначеев и тивуновъ и посельскихъ, или хто будетъ моихъ дьяков, что будетъ от мене ведали прибыток ли которые или хто будетъ оу тыхъ женился, те люди не надобни моимъ детемъ ни моеи княгини дал есмь им волю»¹. Явно, что дьяки это люди не свободные. Для обретения ими свободы необходим особый акт. Жёны дьяков теряют свою свободу в силу брака с дьяками, вновь стать свободными они могут только по волеизъявлению господина. Всё это признаки статуса холопа. Холопами великого князя были его казначеи, тиуны, посельские и дьяки. Упоминание в этом ряду тиуна, указывает на то, и казначеи и посельские и дьяки суть представители хозяйственной администрации, отличные по своему социальному статусу от обычных страдников, ремесленников и слуг. Слуги-министериалы.

Ясно, что возникновение дьячества обусловлено причинами, так сказать, административно-хозяйственными. Главной функцией слуг-министериалов и, в том числе, дьяков было управление великокняжеской собственностью и теми людьми, благодаря труду и организаторской деятельности которых, эта собственность приносила доход («ведали прибыток»). Умножение собственности и, связанное с этим, усложнение административно-хозяйственных задач породили необходимость в письменном делопроизводстве. Не случайно из всего корпуса древнейших великокняжеских актов дьяки составляли именно духовные. Документы, где распоряжение имуществом было основным содержанием.

Первые упоминания о дьяках в уделах относятся к XV в. В начале столетия духовную кн. Владимира Андреевича Серпуховского и Боровского писал *Мещерин*². Дьяком он себя не именует, но по аналогии с писчиками великокняжеских завещаний его следует признать таковым. К сожалению, наш основной источник – духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XV вв. – не позволяет дать ответ на вопрос о времени возникновения института дьяков в уделах. Договорные грамоты дьяки не подписывали, а

¹ Черепнин Л.В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. / сост. Л.В. Черепнин (далее – ДДГ)/ М.-Л., 1950. С. 17; Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. // Древняя Русь. 2008. №4 (34). С. 100-101.

² ДДГ. С. 50.

духовных удельных князей более древних, чем завещание кн. Владимира Андреевича до сего дня не сохранилось.

Характерной для последней воли великих князей Московских нормы об отпуске на свободу дьяков в духовной кн. Владимира Андреевича нет. Нет подобного пункта и в завещании кн. Юрия Дмитриевича Звенигородского. Тем не менее, вряд ли есть основания полагать, что удельные дьяки по своей социальной природе существенно отличались от великокняжеских. По всей видимости, удельные канцелярии возникли в силу тех же причин, что и столичная. Скорее всего, Мещерин такой же министериял, как и его «коллеги» из Москвы.

Во второй четверти XV в. количество известных удельных дьяков увеличивается. Дмитрию Шемяке служили четверо: *Алексей*³, Федор *Дубенский*⁴, Никита *Иванов*⁵ и Андрей *Ярлык*⁶. После разгрома и гибели сюзерена Федор Дубенский и Никита Иванов исчезают из источников и позднее становятся дьяками Ивана III.

Из состава канцелярии брата Шемяки кн. Дмитрия Юрьевича Красного известен только один дьяк – *Федор*⁷.

На службе у другого активного участника феодальной войны второй четверти XV в. кн. Ивана Андреевича Можайского известны два дьяка: Иван Кулудар Владимирович *Ирежский*⁸ и некий *Щербина*⁹.

После бегства кн. Ивана в Литву Кулудар поменял сюзерена, перейдя на службу к его брату кн. Михаилу Андреевичу. Сюда же, видимо, отправился и Щербина. Судные списки, доложенные кн. Михаилу дважды подписывал дьяк, названный в одном случае Иваном *Щербиной*, а в другом Иваном *Щербининым*¹⁰. Кроме этих двоих в Вереиско-Белозерском уделе служили еще *Захар*¹¹, Иван *Котов*¹², *Назарий*¹³, *Федор*¹⁴ и Иван *Шимонов*¹⁵, а также подьячий *Алферий*¹⁶. Всего 12 дьяков и подьячий.

Эпоха Василия II примечательна первым упоминанием о представителях нижнего этажа столичной и удельных канцелярий. Тот факт, что подьячие появляются на страницах документов позднее дьяков, сам по себе, конечно, не свидетельствует о более позднем возникновении самого института подьячих. Всякие сомнения, на наш взгляд, рассеивает, сочетание этого факта с информацией великокняжеских духовных, где никакие подьячие не упоминаются, только дьяки. Институт дьяков существовал уже в первой половине XIV в. Подьячие появляются только во второй четверти XV столетия. Думается, что подьячих породили те же процессы, что в своё время вызвали появления дьяков. Усложнение системы управления государством, а, следовательно, и управленческого аппарата. Дьяку неизбежно должен был понадобиться помощник в лице подьячего.

Параллельно с ростом численности великокняжеской и удельных канцелярий, усложнением их структуры, расширяются функции государевых и удельных дьяков. По-прежнему важной составляющей работы дьяков были те дела, которые относились к сфере «прибытков» великих и удельных князей. Дьяки пишут теперь не только духовные, но и данные и купчие грамоты, оформлявшие акты дарения и купли-продажи. Алексей дьяк кн. Дмитрия Шемяки в 1440 г. писал его данную Троице-Сергиеву монастырю¹⁷. Дьяк Фе-

³ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. (далее – Веселовский С.Б. Дьяки). М., 1975. С. 19.

⁴ Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. (далее – Зимин А.А. Дьяческий аппарат) // Исторические записки. Вып. 87. М., С. 235.

⁵ Веселовский С.Б. Дьяки. С. 210.

⁶ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики (далее – Каштанов С.М. Очерки). М., 1970. С. 362.

⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / под ред. Б.Д. Грекова (далее – АСЭИ). Т.1. М., 1952. С. 119.

⁸ Веселовский С.Б. Дьяки. С. 253.

⁹ Там же. С. 589.

¹⁰ АСЭИ. Т.2. М., 1958. С. 101, 103.

¹¹ Зимин А.А. Дьяческий аппарат. С. 237.

¹² Веселовский С.Б. Дьяки. С. 267.

¹³ АСЭИ. Т.2. С. 101.

¹⁴ Зимин А.А. Дьяческий аппарат. С. 275.

¹⁵ Веселовский С.Б. Дьяки. С. 580.

¹⁶ Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря / подг. В.Б. Кобрин // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. №4.

¹⁷ АСЭИ. Т.1. С. 120.

дор ранее 1440 г. писал купчую кн. Дмитрия Красного, приобретшего вотчину в Бежецком Верху¹⁸.

Постепенно функции непосредственных составителей документов, писчиков, переходят к подьячим. За дьяками остаётся только удостоверительная подпись. Никита Иванов в 1446 г. подписал жалованную грамоту кн. Дмитрия Шемяки Троице-Сергиеву монастырю. Грамота была выдана по приказу Михаила Матвеевича Сатина¹⁹. Позднее при великокняжеском дворе такие функции исполнял дворецкий. Жалованную грамоту кн. Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю в 1448-1470 гг. подписал дьяк Федор²⁰. Дьяк того же князя Иван Шимонов подписал жалованные кирилловской братии в 1451 г.²¹ и Афанасию Внукову в 1455 г.²² В том же 1455 г. Иван удостоверил свой подписью акт мены кн. Михаила Андреевича и Афанасия Внукова²³.

Только полные грамоты, оформлявшие куплю-продажу холопов, продолжали составлять дьяки. В 50-е – 60-е гг. XV в. в Верее полные грамоты писал дьяк кн. Михаила Андреевича Захар²⁴.

В 40-е гг. XV в. появляется такое важное явление отечественного феодального права как переутверждение жалованных грамот. Никита Иванов подписал подтверждение на имя кн. Дмитрия Юрьевича жалованной грамоты Василия II Троице-Сергиеву монастырю²⁵. Ярлык подписал аналогичное подтверждение жалованной Ивану Петелину²⁶.

В исследуемый период дьяки в уделах и в столице обретают новые функции. Дьяк становится участником судопроизводства. Почти все известные нам споры, ставшие предметом судебного разбирательства, поземельные. Суд по делам такого рода мог проходить до трёх инстанций. Окончательное решение обычно выносил носитель верховной власти, великий или удельный князь. Приговор суда принимал форму судного списка или правой грамоты. Дьяки подписывали документы обеих форм. Федор в 1438-1440 гг. подписал судный список суда кн. Дмитрия Красного, лично разбиравшего спор братии Троице-Сергиева монастыря с бежецкими крестьянами²⁷. Правую грамоту кн. Михаила Андреевича по итогам спора Афанасия Внука и некоего Ушака удостоверили в 1455-1470 гг. сразу двое – Кулударь и Иван Щербинин²⁸. В 60-е – 70-е гг. XV в. дело Кирилло-Белозерского монастыря и некоего Назара Кивойского судил тиун Федор Карачаров. Результаты суда были доложены кн. Михаилу Андреевичу. Правую грамоту подписал дьяк Иван Котов²⁹.

Одним из аргументов в споре бывали крепости, документы, удостоверявшие права собственности: купчие, данные, отводные и другие акты подобного типа. Решение судьи могло принимать форму приписки на акте, текст которого послужил основанием для определения правого и виноватого. Такие приписки также удостоверяли дьяки. Известны подписи Щербины, Кулударя и Федора (дьяка кн. Михаила Андреевича)³⁰. Окончанием поземельного спора обычно было размежевание земли, бывшей предметом разбирательства. Это оформлялось межевыми актами различного вида. В архиве Кирилло-Белозерского монастыря сохранились отводные, подписанные дьяками кн. Михаила Андреевича Назарием и Федором³¹.

Рост политического веса великокняжеских и удельных дьяков стал заметен в годы феодальной войны второй четверти XV в. В конце зимы 1442 г. вооруженная борьба меж-

¹⁸ Там же. С. 119.

¹⁹ Там же. С. 130.

²⁰ АСЭИ. Т. 2. С. 75.

²¹ Там же. С. 92.

²² Там же. С. 100.

²³ Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря / Подг. В. Б. Кобрин // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. № 4.

²⁴ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 412, 413, 417.

²⁵ АСЭИ. Т. 3. С. 101.

²⁶ Каштанов С. М. Очерки. С. 362.

²⁷ Там же. С. 350.

²⁸ АСЭИ. Т. 2. С. 103.

²⁹ Там же. С. 120.

³⁰ АСЭИ. Т. 2. С. 75, 101, 103, 110; Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря / Подг. В. Б. Кобрин // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. № 1.

³¹ АСЭИ. Т. 2. С. 101.

ду вел. кн. Василием Васильевичем и Дмитрием Шемякой возобновилась походом великокняжеской рати на Углич. Кн. Дмитрий ушёл из-под удара, своевременно отступив в Бежецкий Верх. Противник заранее был предупреждён великокняжеским дьяком Кулударем Ирежским. Уличённый в измене, он был лишён дьячества и подвергнут публично-му битью кнутом³². Примечателен не сам факт измены. В годы феодальной войны этим было трудно удивить. Примечательно, что в сокровенные планы государя был посвящен именно дьяк.

В августе 1445 г. после злосчастного боя под Суздалем хан Улу-Мухаммед отправил к Дмитрию Шемяке посла Бегича. С ответной миссией к татарам поехал дьяк Федор Дубенский. Он должен был склонить хана к смещению Василия II с великокняжеского стола: «что бы князю великому не выйти на великое княжение»³³. Хан был в Курмыше, до которого Федор Дубенский так и не добрался. По дороге из Муром в Нижний Новгород дипломаты узнали, что 1 октября вел. кн. Василий был выпущен из плена. Федор и Бегич вернулись в Муром, где татарский посол был арестован кн. Василием Ивановичем Оболенским. О том, что стало с дьяком, летописи не сообщают. Позднее, уже после окончания войны, Федор Дубенский обнаруживается на великокняжеской службе, на должности дьяка³⁴.

Проникновение дьяков в политическую жизнь отразилось и в актовом материале. В 40-е гг. XV в. подписи главудельных канцелярий появляются под междукняжескими договорами. 24 июня 1440 г. дьяк кн. Дмитрия Юрьевича Алексей писал приписку к докончанию своего сюзерена с Василием II³⁵. В сентябре 1447 г. Щербина подписал договор Василия II и кн. Ивана Андреевича³⁶. В 1447/48 г. аналогичный акт подписал Кулударь³⁷.

Во второй четверти – середине XV в. наблюдаются сдвиги и в социальной природе дьячества. Из 12 дьяков социальное происхождение поддается определению у троих. Отец дьяка Колудара Ирежского Владимир Иванович был угличским землевладельцем³⁸. Это единственный известный факт его биографии. О матери дьяка мы не имеем никакой информации, кроме имени. Сын Кулударя Борис тоже никаких следов в источниках не оставил. Дьяк, его родители и сын не были единственными представителями рода Ирежских. Применительно ко второй половине XV в. известен Александр Гаврилович Ирежский, вотчинник Бежецкого Верха³⁹. В первой половине XVI столетия жили вдова Александра Евфимия, его сыновья Елизарий и Иван, невестка (жена Елизария) Варвара Григорьевна. Они упоминаются в источниках почти исключительно как частные лица, бежецкие вотчинники и послухи в бежецких же актах⁴⁰. В 1530/31 г. послухом в акте в Солигаличском уезде выступил Дмитрий Борисович Ирежский. Из служебных назначений Ирежских известно только одно. В 1515/16 г. Елизарий Ирежский по указу вел. кн. Василия Ивановича произвел земельный разъезд в Бежецком Верхе⁴¹.

Дозорная книга церковных приходов Бежецкого Верха, датированная примерно серединой 70-х гг. XVI в., фиксирует в Городецком уезде с. Иреш⁴². Это, вне всякого сомнения, родовое гнездо Ирежских. Можно предполагать, что в первой половине XV в. Ирежские были либо мелкими неслужилыми вотчинниками, либо детьми боярскими. Представители первой из этих двух категорий населения встречаются редко. Более вероятным является дворянское происхождение Ирежских.

³² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XXIII. М., 2004. С. 150.

³³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 107.

³⁴ АСЭИ. Т. 2. С. 496; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 108.

³⁵ ДДГ. С. 100.

³⁶ Там же. С. 148.

³⁷ Там же. С. 155.

³⁸ АСЭИ. Т. 1. С. 163.

³⁹ Там же. С. 202.

⁴⁰ АСЭИ. Т. 1. С. 562; Акты Русского государства 1505-1526 гг. / сост. С. Б. Веселовский (далее – АРГ). М., 1975. С. 8, 52, 113, 157, 178, 192, 249; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 153-154.

⁴¹ АРГ. С. 140.

⁴² Писцовые книги Новгородской земли. Т. 3 Писцовые книги Бежецкой пятины XVI века / сост. К. В. Баранов. М., 2001. С. 209.

В определении социального происхождения Ивана Шимонова помогает подписанная им меновная кн. Михаила и его вассала Афанасия Даниловича Внукова⁴³. Здесь Иван Шимонов упоминается дважды, как подписавший документ дьяк и как послух, где он назван в числе детей боярских. Можно предположить, что перед нами два человека, тезки и однофамильца, благо ни имя, ни фамилия (Шимонов, то же, что и Симонов) не относятся к числу редких⁴⁴. Однако, это все-таки маловероятно. Скорее дело в другом. Термин «сын боярский» это указание на социальный ранг человека. Дьяк, это должность в государственном аппарате. Именование Ивана Шимонова в числе детей боярских указывает на первое, а подпись – на второе. Никакой информации о служебных назначениях Ивана как сына боярского источники не содержат. Не знаем мы ничего о его родственных связях. Видимо, Иван Шимонов происходил из малозначительной провинциальной служилой фамилии.

Применительно к Федору Дубенскому можно опереться на данные антропонимики. Фамилии, производные от географических названий, оканчивающиеся суффиксом -ский, более характерны для дворянства⁴⁵.

Три выходца из дворянства среди 12 дьяков дают 25 %. Величина сравнимая с той, что можно вывести при анализе социального происхождения дьяков великого князя. Оставшиеся 9 удельных дьяков и подьячий производят впечатление выходцев из демократических слоёв населения. Какая-то часть из них, по всей видимости, была холопами.

Превращение холопской службы в дворянскую, судя по всему, было вызвано дальнейшим усложнением задач государственного управления и ростом значения письменного делопроизводства в функционировании аппарата власти. Дьяческая служба постепенно переставала быть чисто хозяйственным занятием. Дьяки уже не только «ведали прибыли», но и приобретали реальную власть. Дворянство начинало ощущать притяжение этой власти. Первыми отреагировали представители его низших прослоек, которым традиционная дворянская служба давала немного шансов достичь карьерных свершений и материального благосостояния.

SPECIFIC CLERKS AND ASSISTANT CLERKS OF FIRST HALF XV CENTURY

A.Yu. SAVOSICHEV

Orel State University

e-mail: sawositchev@mail.ru

Article is devoted clerks and assistant clerks first half XV centuries as to an element of control systems by destinies of great reigning Moscow. In article the problem of occurrence of institute of specific clerks and assistant clerks is considered, their social origin is defined. Evolution of functions of clerks in the course of realization of the power of specific princes is tracked.

Key words: clerks and their helpers, social status, estate structure the state service.

⁴³ Грамоты XIV–XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря / Подг. В.Б. Кобрин // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. №4.

⁴⁴ Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / Б.-О. Унбегаун; М., 1995. С. 230.

⁴⁵ Там же. С.105.